

ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

О. О. Комолов

Институт экономики Российской академии наук,
Москва, Россия

Статья посвящена проблеме деглобализации современной экономики в условиях посткризисного восстановления мирового хозяйства с 2009 г. по настоящее время. Автором определено, что деглобализация характеризуется обострением протекционистской политики государств (особенно в условиях борьбы с последствиями пандемии COVID-19), расширением санкционных режимов. Это привело к относительному снижению интенсивности мировой торговли и глобальных потоков капитала, а также вызвало кризис региональной интеграции в разных частях света. В статье систематизированы наиболее распространенные подходы современных исследователей к вопросу деглобализации. Установлено, что ожидания быстрого возвращения мировой экономики на прежнюю траекторию глобализации не оправдались. Показано, что пандемия COVID-19 усилила процессы дезинтеграции в мировой экономике. Это вызвано не только объективными потребностями борьбы с распространением вируса, но и задачами стимулирующей политики государств для преодоления последствий локдауна. Автором сделан вывод, что, с одной стороны, условия деглобализации дают государствам инструменты поддержки национальных производителей и развития приоритетных отраслей экономики, а с другой – повсеместная радикализация политического дискурса усиливает риски роста социальной напряженности и вооруженного противостояния.

Ключевые слова: глобализация, протекционизм, санкции, мировая торговля, региональная интеграция, прямые инвестиции, COVID-19.

DEGLOBALIZATION: NEW TRENDS AND CHALLENGES IN WORLD ECONOMY

Oleg O. Komolov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The article deals with the problem of today's economy de-globalization in conditions of post-crisis restoration of world economy from 2009 to the present day. The author shows that de-globalization is characterized by aggravation of protectionist policy of states (especially in conditions of combating against COVID-19 pandemic) and extension of sanction regimes. It caused the relative drop in intensity of global trade and global capital flows and at the same time led to the crisis in regional integration in different parts of the world. The article systematized the most widely spread approaches of today's researchers to the issue of de-globalization. It was found out that expectations of fast return of global economy to the former trajectory of globalization were groundless. The author shows that COVID-19 pandemic fostered disintegration processes in global economy. It was caused not only by objective need to combat against the virus but also by goals of stimulating policy of states essential for overcoming lock-down after-effects. A conclusion was drawn that, on the one hand, de-globalization conditions give states the tools for supporting national manufacturers and development of priority industries but, on the other hand, overall radicalization of political discourse could raise risks of social tension and military confrontation.

Keywords: globalization, protectionism, sanctions, global trade, regional integration, direct investment, COVID-19.

В условиях ускорения глобализации 1980–2000-х, происходившей на фоне поражения СССР в холодной войне и распада социалистического лагеря, мейн-

стримом западной идеологии стал тезис, теоретически выведенный и оформленный в известной статье Ф. Фукуямы «Конец истории?». В ней автор приходит к вы-

воду, что исчезновение мировой системы социализма является свидетельством торжества принципов либеральной демократии западного образца, которые не имеют альтернатив. Это означает достижение обществом конечной точки социокультурной эволюции, где нет места войнам и революциям, которые проводились во имя идеологий, утверждавших свое превосходство над либерализмом [14. – С. 15]. Экономическая сторона идеологии рыночного глобализма восходила к идее четырех свобод (для движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы), а также принципам свободного доступа к сырьевым ресурсам, мирового патентного права, использования доллара и евро в качестве мировых денег, вмешательства международных организаций во внутреннюю политику государств и т. д. Вопрос о том, что период открытости в политике и внешней торговле гипотетически может смениться протекционизмом и торговыми войнами, противоречил господствующим нарративам и практически не обсуждался даже в научной сфере.

Вместе с тем период мирового добрососедства закончился вместе с развитием финансового кризиса 2007–2009 гг. В истории мировой экономики наступил этап деглобализации. Высокие темпы экономического роста, казавшиеся когда-то пришедшими навсегда, сменились менее благоприятной конъюнктурой, заставляя государства концентрировать усилия и ресурсы на восстановлении национальных экономик и поддержке местного бизнеса. В ход шли разные приемы протекционистской политики: от введения отдельных повышенных таможенных пошлин до осуществления целых государственных программ. Они были направлены как на ослабление зарубежных конкурентов (введение санкционных режимов), так и на создание тепличных условий собственным производителям (например, программы импортозамещения в России и «Покупай американское» в США).

Деглобализация: теоретический аспект

Первое упоминание понятия «деглобализация» датируется еще 1989 г. (по данным Google Scholar). Однако фундаментальное исследование этого вопроса впервые было проведено У. Беллоу, который в своей книге «Деглобализация – идеи для новой мировой экономики» раскрывает внутренние противоречия новейшего этапа капиталистической глобализации, обвиняет развитые страны в жестком подчинении развивающихся экономик интересам транснациональных корпораций и банков, а также проводит критический анализ наднациональных институтов (МВФ, ВТО, Всемирного банка и т. д.). Автор призывает мировое сообщество к фундаментальному сдвигу в сторону децентрализованной экономической модели, позволяющей всем странам ориентироваться на собственные интересы и ценности. Беллоу утверждает, что регулирующие институты ВТО находятся в кризисе, входящие в него государства во многом лишились экономического суверенитета [11. – С. 6].

Распространение влияния ВТО и создаваемые ею благоприятные условия для глобальных корпораций подрывают перспективы устойчивого развития, социальной справедливости, равенства и улучшения условий окружающей среды [11. – С. 109–110].

Частота обращений к понятию деглобализации возросла на фоне мирового кризиса 2007–2009 гг. Настоящий всплеск интереса к этой теме произошел в 2017 г. после того, как к власти в США пришел Д. Трамп, а кризис евроинтеграции привел к победе на референдуме сторонников выхода Великобритании из ЕС. Далее в 2019–2020 гг. в связи с усилением тенденций политической и экономической конфронтации между государствами, а также распространением пандемии коронавируса, которая парализовала туризм и трудовую миграцию, популярность темы деглобализации достигла пиковых значений (рис. 1).

В первом приближении исследования разделились на два основных направления: одни трактовали происходящее как системный кризис рыночного глобализма,

другие – как временный упадок торговой активности, свойственный фазам рецессии и стагнации традиционного экономического цикла.

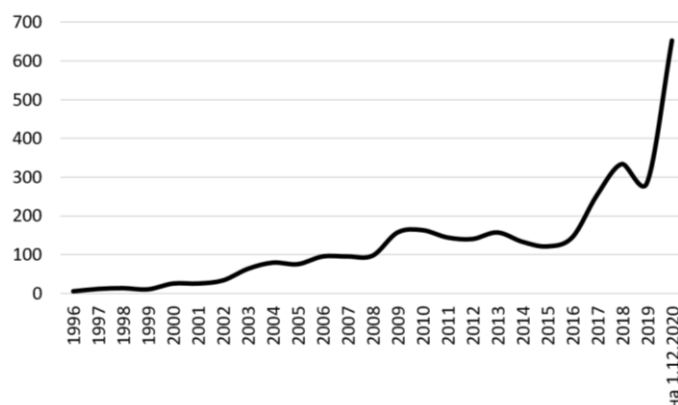

Рис. 1. Частота употребления понятия «деглобализация» (deglobalization) в научных работах (в заголовках и ключевых словах статей и монографий), учтенных в базе данных Google Scholar (за период с 1996 по 1.12.2020 г. включительно)

Взгляды исследователей также разделились относительно последствий происходящего в мировой экономике. Одни считают такой поворот событий попыткой общества преодолеть недостатки глобализации, другие предрекают социальные катастрофы вследствие дезинтеграции мировой системы капитализма.

Так, В. С. Паньков в работе «2020 год – глобализация или деглобализация?», опубликованной в 2010 г., предполагает, что докризисная модель глобализации оказалась в тупике и исчерпала себя. Довлеющее влияние национальных интересов делает неработоспособными механизмы наднационального регулирования и координации: G8 представляет собой дискуссионный клуб, в большей степени служащий удовлетворению интересов его членов, нежели чем мирового сообщества. При этом организация «не обладает даже минимальной инфраструктурой (постоянным секретариатом и т. д.) хотя бы для мониторинга (не говоря уже о контроле) за реализацией того, что записывается в итоговых документах саммитов. Никаких международно-правовых инструментов их реализации нет вовсе» [4. – С. 167]. Документы,

принимаемые на саммитах, представляют собой лишь декларации о намерениях. Тупик Дохийского этапа переговоров ВТО, по прогнозам автора, приведет к тому, что ведущие экономики будут без ведома организации проводить политику взаимных преференций с соседями в рамках региональных интеграционных группировок в ущерб открытости к остальному миру. Дальнейшее развитие событий, как показала история, происходило по еще более мрачному сценарию. Схожей позиции придерживается и ряд других авторов [17–19].

Представитель новой институциональной школы А. А. Аузан [10. – С. 6] утверждает, что глобализация – процесс не линейный, а волнообразный. На данный момент мы наблюдаем не закат явления глобализации, а лишь временный «отлив», который начался после кризиса 2008–2009 гг. и привел к сокращению торговли, торговым войнам, санкциям и т. д. На данный момент мировая торговля находится в точке локального минимума, и вскоре мир выйдет на стадию возобновления и усиления глобализации.

Б. А. Хейфец [8. – С. 10–18], говоря о современной трансформации глобальных

интеграционных процессов, указывает на два современных тренда: экономический национализм и трансрегионализацию. Первый касается расширения протекционизма в мировой торговле и потоках капитала: количество принятых мер, носящих протекционистский характер, традиционно выше направленных на торговую либерализацию, причем нетарифные меры (различные технические регламенты, критерии оценки соответствия и т. д.) зачастую являются невыполнимыми и разорительными для малых и средних организаций и развивающихся государств. В то же время автор на момент написания исследования предсказывал восстановление глобализации по указанным показателям после 2017 г. Отмечаемая им тенденция к трансрегионализации позволяет создавать крупные торговые союзы (например, Транстихоокеанское партнерство или Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение), внутри которых свобода торговли действительно велика. Однако странам, не относящимся к данным объединениям, становится не под силу вступать в торговые отношения с участниками, что препятствует их развитию. Хейфец тем не менее пишет о своей уверенности в том, что трансрегионализм в дальнейшем не только не помешает глобализации, но и усилит ее.

Существует и иная точка зрения на состояние интеграционных процессов после глобального финансового кризиса. По оценке В. В. Архиповой [2. – С. 48], в мире не наблюдается торгово-финансового разобщения. Аргументируется это тем, что, во-первых, показатели послекризисных времен некорректно сравнивать с пиковыми значениями экономики в состоянии перегрева. Во-вторых, экономика, в том числе мировая торговля, продемонстрировала восстановительный рост после 2010 г. В-третьих, после глобального финансового кризиса по инициативе стран «Большой двадцатки» были приняты меры по реформированию наднациональных институтов мировой финансовой системы, таких как Базельский комитет по банковскому

надзору (например, принятие документа Базель III), что должно было привести к повышению стабильности данного института и восстановлению и укреплению международного сотрудничества. Однако посткризисный застой мировой экономики, названный великой стагнацией, продолжается уже достаточно долго, чтобы рассматривать его лишь как фазу среднесрочного цикла. А усиление экономического противостояния США и Китая не только не приближается к своему разрешению, но и выражается во все большем количестве недружественных шагов каждой из сторон. То же касается России и ее отношений с США и ЕС. Вопреки многим ожиданиям антироссийские санкции так и не были отменены, а западные государства постоянно используют новые поводы для усиления экономического и политического давления на Россию.

Эмпирические аспекты деглобализации.

Мировая торговля и глобальные потоки капитала

Чтобы оценить масштабы экономической деглобализации, обратимся к динамике доли экспорта товаров и услуг, а также прямых инвестиций в мировом ВВП. Данный показатель имеет отрицательную динамику в посткризисный период.

В 2007 г. он составлял 35,5% ВВП. После резкого падения в 2009 г. до 28,8% и восстановительного роста в 2010–2011 гг. интенсивность международных экономических связей продолжила снижение, достигнув отметки в 32,4% в 2019 г. (рис. 2).

Снижение интенсивности мировой торговли и инвестиций отразилось и на динамике развития глобальных цепочек добавленной стоимости, роль которых в мировой экономике также сократилась в последние годы. Так, доля чистого национального производства в мировом ВВП в период с 1995 по 2007 г. упала с 84,9 до 79%. Однако после начала мирового финансового кризиса она возросла на 2 процентных пункта к 2017 г. Одновременно доля простых цепочек стоимости (с однократным

пересечением таможенной границы товаром промежуточного потребления) упала

на 1 процентный пункт, а сложных – на 2 процентных пункта [15].

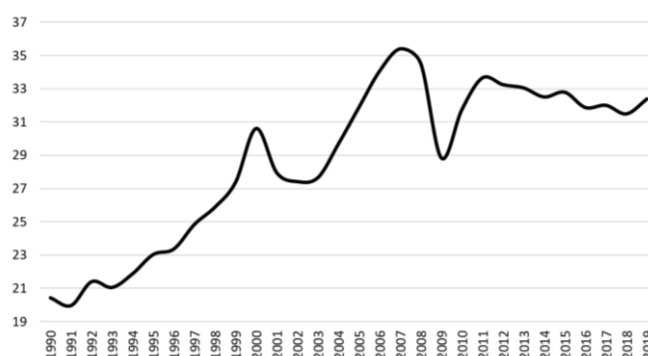

Рис. 2. Отношение суммы мирового экспорта товаров и услуг, а также чистых ПИИ в процентах к мировому номинальному ВВП в текущих ценах (1990–2019 гг.)

Составлено по: URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS>; URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm

Упадок международных торговых и инвестиционных связей оказал влияние на динамику развития всего мирового финансового рынка. Можно отметить процесс финансовой дивергенции, который выражается в снижении трансграничной мобильности капитала, замедлении динамики глобальных рынков ценных бумаг, производных финансовых инструментов и кредитов. После начала мирового финансового кризиса сокращение объемов перемещаемых потоков финансового капитала оценивается в 10–20% [2. – С. 47]. Если говорить о финансовых транснациональных корпорациях, то в послекризисный период их международная деятельность сократи-

лась, многие банки (впрочем, как и многие нефинансовые организации) предпочли сосредоточить свою активность внутри национальных экономик. Так, в 2014 г. один из крупнейших финансовых конгломератов в мире HSBC Holdings plc отказался от обслуживания клиентов более чем в 20 странах, а компания Citigroup (американский транснациональный инвестиционный банк и корпорация финансовых услуг) сократила свое присутствие в сфере розничных банковских услуг почти вдвое – до 24 стран [9]. Период бурного роста объемов международного кредита в интервале между кризисами 2000 и 2008 гг. сменился его длительной стагнацией (рис. 3).

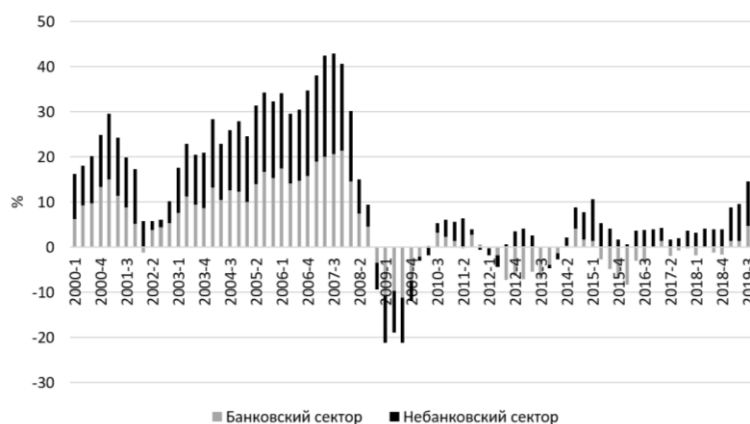

Рис. 3. Динамика глобального рынка кредита (годовые темпы прироста по инструментам в долларах США в процентах к предыдущему году)

Составлено по: URL: <https://www.bis.org/statistics/gli.htm?m=6%7C333%7C690>

Прирост займов небанковского сектора снизился в 2–4 раза с 2009 по 2019 г., а для банковского сектора находился в зоне отрицательных значений. В 2019 г. обозначился тренд на слабое восстановление рынка. На момент публикации исследования данные за 2020 г. еще недоступны, однако можно предположить, что локдаун, объявленный в большинстве стран мира на фоне пандемии коронавируса, вновь обрушит показатели международного кредитного рынка.

Рост протекционизма

Деглобализация мировой экономики проявляет себя также в усилении протекционистской политики. По данным Global Trade Alert, в период с 2009 по 2020 г. государствами было принято более 11,5 тыс. мер, направленных на регулирование внешней торговли, трансграничных потоков капитала и миграции. 3/4 из них носили протекционистский характер (рис. 4).

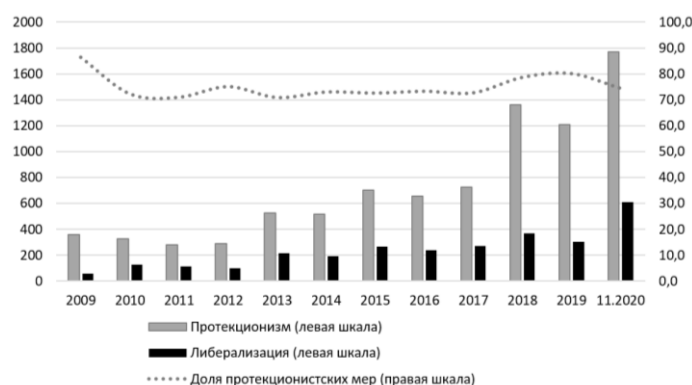

Рис. 4. Общее количество принятых государствами мер, регулирующих внешнюю торговлю, иностранные инвестиции и миграцию (2009–2020 гг.)

Составлено по: URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 12.12.2020).

Наиболее популярными мерами защиты национального рынка являются субсидии местным производителям, квоты и тарифные ограничения (табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Принятые государствами меры по регулированию внешней торговли, иностранных инвестиций и миграции (2009–2020 гг.)*

Протекционистские меры	Количество мер
Субсидии (кроме экспортных)	2 956
Торговые квоты	1 541
Поддержка экспорта (в том числе экспортные субсидии)	1 443
Тарифное регулирование	1 080
Регулирование инвестиций, связанных с торговлей	450
Ужесточение регулирования госзакупок	318
Точечное лицензирование	306
Регулирование ПИИ	193
Регулирование миграции	162
Прочие меры	269

* Составлено по: URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 12.12.2020).

Главным проводником политики протекционизма являются Соединенные Штаты. Однако это обстоятельство не является лишь результатом президентства Д. Трампа, известного своей изоляционистской риторикой. В ходе второго срока президентства Б. Обамы количество ограничительных мер в торговых и финансовых отношениях против стран «Большой двадцатки» с 2013 по 2016 г. возросло с 50 до 150. Одновременно с этим другие страны G20 также проводили политику, противоречащую интересам американских компаний, а также направленную друг против друга. Количество таких практик увеличилось за тот же период с 509 до 877¹. В наибольшей степени они заключались в установлении искусственных барьеров во внешней торговле: технических регламен-

¹ URL: http://www.globaltradealert.org/global_dynamics/day-to_1231 (дата обращения: 18.11.2020).

тов, добровольных стандартов, критериев оценок соответствия (табл. 2).

Таблица 2
10 стран, принявших наибольшее количество
протекционистских мер в период
2009–2020 гг.

Страна	Количество мер	Доля, %
США	984	6,6
Индия	723	4,9
Россия	559	3,8
Германия	523	3,5
Великобритания	515	3,5
Канада	470	3,2
Бразилия	442	3
Аргентина	419	2,8
Италия	403	2,7
Франция	360	2,4

* Составлено по: URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 12.12.2020).

Основным объектом ограничений является Китай. С помощью экономических барьеров страны западного мира пытаются препятствовать его экспансии на национальные рынки (табл. 3).

Таблица 3
10 стран, в отношении которых
было принято наибольшее количество
протекционистских мер в период
2009–2020 гг.

Страна	Количество мер	Доля мер, %
Китай	3 466	3,22
Германия	2 532	2,35
США	2 377	2,21
Италия	2 294	2,13
Франция	2 259	2,1
Великобритания	2 103	1,95
Республика Корея	2 095	1,95
Япония	2 012	1,87
Испания	1 976	1,83
Нидерланды	1 972	1,83

* Составлено по: URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 12.12.2020).

Наиболее острая борьба развернулась в области черной металлургии (табл. 4). Больших успехов по завоеванию доминирования на данном рынке достиг Китай,

который стал крупнейшим производителем этого товара в мире, вытесняя производителей Центральной и Восточной Европы, а также Азии. Закономерно КНР стала главным объектом протекционистской политики со стороны США, Германии, Индии, Японии.

Таблица 4
10 отраслей, подвергнутых наибольшему
влиянию протекционистских мер в период
2009–2020 гг. в мире

Отрасль	Количество мер
Изделия из железа или стали	706
Прочие готовые металлические изделия	451
Автомобили, прицепы и полуприцепы; их части и принадлежности	459
Прочие машины общего назначения и их части	249
Основные органические химические вещества	365
Фармацевтические продукты	295
Железо и сталь (прокат)	256
Продукция мукомольного производства	247
Машины для горных работ, разработки карьеров и строительства и их части	246
Электродвигатели, генераторы и трансформаторы и их части	243

* Составлено по: URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения: 12.12.2020).

Кризис региональной интеграции

Еще одним признаком деглобализации в мировой экономике стал кризис региональной интеграции, в той или иной степени проявивший себя на всех континентах. Идея открытости и экономических свобод становится объектом критики внутри Европейского союза. Евроскептики (как левые, так и правые) набирают все большую популярность во Франции, Германии, Венгрии, Польше, Италии. Апогеем кризиса евроинтеграции стал референдум о выходе Великобритании из ЕС. Такие тенденции являются следствием накопившихся экономических проблем Европы. Одна из них выражается в постоянном замедлении темпов экономического роста на протяжении нескольких десятилетий и,

как следствие, сокращении роли ЕС в мировой экономике.

Задача обеспечения роста конкурентоспособности экономики Европейского союза ставилась неоднократно, в том числе в рамках Лиссабонской стратегии 2000 г. и стратегии «Европа 2020». Однако значительных успехов они не принесли. Очередная стратегия развития «ЕС-24», рассчитанная на период с 2019 по 2024 г., ставит задачу борьбы с нелегальной миграцией и терроризмом, создания прочной и динамичной экономической базы, приема в ЕС новых членов, контроля климатических изменений¹. Проблема миграции сохраняет остроту уже почти 10 лет: существующая социальная политика заставляет ЕС тратить на мигрантов все больше средств. Однако в условиях, когда миграция носит нетрудовой характер, вклад мигрантов в ВВП снижается настолько, что не окупает понесенные издержки (например, вклад мигрантов Германии в ВВП составляет 0,2% [7] в год). Это влечет за собой рост ксенофобских настроений, подталкивая европейские власти к принятию мер по ограничению миграции.

Кризис переживает и концепция валютного союза. Первоначальная идея введения единой европейской валюты заключалась в упрощении торговли и ускорении экономического роста. Однако в ряде случаев утрата экономического суверенитета не позволяет странам – членам ЕС принять достаточные меры для поддержки национальной экономики инструментами монетарной политики. Это становится причиной роста антиинтеграционных настроений в европейских странах, в том числе в форме массовых протестов, таких как выступления желтых жилетов. По опросам Европейской комиссии, доверие к институтам ЕС сильно упало после пиковых значений 2007 г.² В 2016 г. наиболее неблаго-

приятное отношение к ЕС сформировалось у Греции, Франции, Испании и Великобритании [13]. Для последней это обернулось референдумом о выходе из состава Евросоюза. По опросу 2019 г. было выявлено, что 68% граждан поддерживают Европейский союз, однако количество европейцев, не одобряющих направление экономической политики в ЕС в целом и в своих странах в частности, также выросло до 50% [12].

Не лучшие времена переживает и проект интеграции на постсоветском пространстве. Несмотря на периодические сообщения СМИ о желании той или иной страны присоединиться к ЕАЭС, объединение продолжает состоять из тех же пяти стран, которые в 2010 г. создавали Таможенный союз. Несмотря на небольшой рост доли взаимной торговли между членами объединения относительно торговых отношений с внешним миром, она не поднималась выше 14% [1].

Сами участники ЕАЭС не готовы отказаться от части экономического суверенитета. Так, не нашла поддержки идея создания валютного союза на базе ЕАЭС. Казахстан резко выступил против формирования наднациональных органов монетарного регулирования [3]. Такая позиция выглядит обоснованной, учитывая тот факт, что воздействие на курс национальной валюты является важным инструментом регулирования экономики в целом и внешней торговли в частности, а значимость этого инструментария сильно возросла в период нарастания протекционистских тенденций в мире.

Внутри ЕАЭС постоянно возникают расхождения во внешнеэкономических вопросах. Например, после введения Россией санкций против Украины другие страны союза продолжили вести бизнес с украинскими компаниями. Разнится и отношение к политике управления внутри союза: власти Беларуси высказывают желание сформировать прочные институциональные структуры, которые бы жестко регламентировали действия стран; Казахстан

¹ URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/priorities_en (дата обращения: 15.11.2020).

² URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/72826> (дата обращения: 01.12.2020).

настроен противоположно – на либерализацию отношений, свободу действий стран-участниц [5]. Несмотря на то, что к 2025 г. ожидается образование единого рынка газа, нефти и нефтепродуктов, консенсуса по этому вопросу между странами еще не достигнуто.

Вероятно, наиболее проблемной на данный момент по количеству существующих противоречий является зона свободной торговли UMSCA (ЮМСКА, бывшее НАФТА). До перезагрузки НАФТА возникали предположения, что союз может распасться ввиду неразрешимого конфликта протекционизма США (Д. Трамп на тот момент грозился введением заградительных тарифов на импорт из Мексики) и политики открытости других участников объединения.

После перезагрузки и переименования соглашения создалась видимость выхода на новый этап сотрудничества, несмотря на то, что Д. Трамп настоял на следующих выгодных для США условиях [20]:

1) мексиканские и канадские компании вынуждены сократить импорт более дешевых азиатских и европейских промежуточных товаров для автомобилей;

2) мексиканские власти обязаны повысить зарплату рабочих в автомобильной промышленности (что может привести к росту отраслевой занятости в США и ее спаду в Мексике);

3) Канада и Мексика должны осуществить либерализацию национальных финансовых рынков, что важно для США как для крупнейшего мирового экспортера финансовых услуг, который стремится наращивать профицит в торговле по этому показателю;

4) Канада должна снизить барьеры для допуска компаний США на свой рынок сельскохозяйственной продукции.

Несмотря на то, что страны-участницы, казалось бы, пришли к согласию после долгих переговоров о создании USMCA, противоречия не только не исчезли, но и усугубились. По опросу Nanos Research, 81% канадцев считают, что границы между

США и Канадой не должны быть открытыми¹. Представители властей Канады и Мексики призывают не радоваться принятому соглашению, а готовиться к противостоянию США, которые явно настроены на жесткое лоббирование национальных интересов [6].

Глобализация и пандемия COVID-19

Пандемия коронавируса, разразившаяся в 2020 г., усилила дезинтеграцию мировой экономики. Локдаун, объявленный в большинстве крупных стран мира, вместе с резким сокращением транспортной коммуникации между странами значительно ограничил международное обращение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. На фоне эпидемии государства продолжили следовать политике изоляционизма, в первую очередь закрывая границы для въезда иностранных граждан: весной 2020 г. было введено 175 новых ограничивающих мер, 117 из которых на сентябрь 2020 г. все еще действовали, а на январь 2021 г. действующими по-прежнему оставались 111 мер².

Кризис глобализации вынужден констатировать и журнал «Экономист», майский номер которого в 2020 г. вышел под заголовком «Прощай, глобализация! Опасный соблазн самодостаточности». Центральная статья номера, однако, избегает слова «деглобализация», по традиции журнала сочиняя собственный неологизм *slowbalisation*. Он означает замедление глобализации, начало которого авторы относят к 2008 г., когда после падения Lehman Brothers мировая торговля и инвестиции упали относительно ВВП. Пандемия коронавируса не внесла ничего нового в этот процесс, ведь «когда вирус еще только начал распространяться в провинции Ухань, американские таможенные тарифы

¹ URL: <https://823.910.myftpupload.com/wp-content/uploads/2020/07/2020-1676-Globe-June-Omni-US-Border-Populated-Report-with-Tab.pdf> (дата обращения: 16.11.2020).

² URL: <https://www.macmap.org/covid19> (дата обращения: 12.09.2020).

находились на рекордно высоком уровне с 1993 года, а США и Китай начали делить между собой высокотехнологичные производства» [16. – Р. 7]. «Экономист» констатирует рост изоляционистских настроений на фоне мировой пандемии. Так, премьер-министр Индии объявил нации о начале эры экономической самостоятельности. В Японии государственное субсидирование могут получить только те компании, которые осуществляют репатриацию производства; официальные лица ЕС говорят о стратегической автономии и создают фонд для покупки пакетов акций фирм; власти США призывают компанию Intel строить заводы на территории страны. В выводах статьи звучат ноты пессимизма: «Не дайте себя обмануть, говоря, что торговая система с нестабильной структурой государственного контроля будет гуманнее или безопаснее. Более бедным странам будет сложнее наверстать упущенное, а в богатых странах жизнь будет дороже, причем бесплатные блага могут полностью исчезнуть» [16. – Р. 7].

По прогнозам конференции ООН по торговле и развитию, COVID-19 сократит потоки прямых иностранных инвестиций еще на 30–40%.

На конец 2020 г. экономическая ситуация продолжала оставаться неустойчивой. Такой поворот событий, по прогнозам «Экономиста», ослабит восстановление, сделает экономику уязвимой и распространит геополитическую нестабильность [16]. С начала 2020 г. повсеместно наблюдается закрытие заводов, магазинов, компаний, у поставщиков сократились каналы связи с покупателями, спрос резко упал. Отдельные отрасли не только держатся на плаву, но и пользуются повышенным спросом (как, например, продовольственные товары, бытовая и компьютерная техника), однако общее наблюдаемое и ожидаемое в будущем влияние пандемии на мировую торговлю оценивается как резко отрицательное. Международные поездки ограничены, пассажиропоток снизился в среднем на 60% [16]. Мобильность рабочей силы

упала до рекордно низкого уровня. При этом правительство США объявило о принятии новых мер, регулирующих рынок труда, вынося предложения по сокращению иммиграции, чтобы снизить безработицу.

Американское правительство еще с 2019 г. пытается изменить правила закупок медицинских товаров, перенаправляя спрос на внутренний рынок, а также убеждает крупные компании строить заводы на территории США. Опрос членов Global Business Alliance¹, опубликованный весной 2020 г., показал следующее: 77% опрошенных ожидают, что страна станет более протекционистской с точки зрения трансграничных слияний и поглощений, государственных закупок и торговли ввиду пандемии. Исходя из опроса ТНК в 2020 г., примерно 30% международных компаний рассчитывают диверсифицировать свои глобальные цепочки поставок, а 15% – ожидают, что они станут менее зависимыми от китайских поставщиков в результате пандемии².

Развитие пандемии сказалось также на международных потоках капитала. Китайский венчурный капитал в США сократился до 400 млн долларов в первом квартале 2020 г. (это на 60% ниже уровня двухлетней давности) [16]. Крупнейший американский пенсионный фонд (California Public Employees' Retirement System – Calpers) получил распоряжение прекратить покупку китайских акций. По прогнозам Всемирного банка, ТНК в 2020–2021 гг. могут сократить свои трансграничные инвестиции на треть³.

В 2020 г. страны, на долю которых приходится 59% мирового ВВП, ужесточили

¹ URL: <https://globalbusiness.org/pressrelease/survey-findings-underscore-the-importance-of-global-connections-for-america-s-economic-recovery> (дата обращения: 14.09.2020).

² URL: https://globalbusiness.org//dmfile/GlobalBusinessAlliance_InboundInvestmentSurveyFindings_May2020.pdf (дата обращения: 12.01.2021).

³ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaeia2020d2_en.pdf (дата обращения: 14.09.2020).

правила, связанные с операцией иностранного инвестирования (в дальнейшем эта ситуация может усугубиться ввиду необходимости выплачивать новые долги за счет ограничения трансграничного потока капитала). В частности, правительства Германии, Италии, Австралии, Испании и Индии предъявляют дополнительные требования при проверке иностранных инвестиций.

Заключение

Мировая экономика вступила в новый для себя этап деглобализации. Он обусловлен низкими темпами роста мировой экономики в посткризисный период, которые заставляют государства прибегать к мерам активной защиты национальных производителей от внешней конкуренции. Логика развития капиталистической экономики дает основания полагать, что процессы глобализации также подвержены цикличности, а этапы дезинтеграции приходят на смену периодам усиления международных экономических связей. Этот контекст необходимо принимать во внимание при проведении государственной экономической политики. Мировым трендом сегодня является защита национального рынка протекционистскими мерами,

которые носят более или менее жесткий характер в тех или иных странах. Эффективность таких мер становится одним из определяющих факторов развития национальных производств. Мировая «мода» на протекционизм предоставляет правительствам эффективные инструменты перераспределения ресурсов в пользу отдельных отраслей экономики, что позволяет нарастить их конкурентоспособность и увеличить долю мирового рынка. Для России это означает дальнейшее движение в парадигме программы импортозамещения с большим акцентом на поддержку высокотехнологичных секторов экономики, таких как производство машин и оборудования.

В то же время на фоне обостряющегося противостояния крупнейших субъектов мировой экономики все большую популярность набирают политики, стоящие на националистических позициях и исповедующие агрессивную изоляционистскую идеологию. Многие из них добиваются политических успехов. При этом повсеместная радикализация политического дискурса создает угрозы эскалации социальных конфликтов, а также вооруженного противостояния за передел рынков.

Список литературы

1. Внешняя и взаимная торговля товарами Таможенного союза и Единого экономического пространства. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/time_series_custom_union.aspx (дата обращения: 13.12.2020).
2. *Архипова В. В.* Мировая финансовая система: глобализация или деглобализация? // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 5. – С. 40–49.
3. Казахстан исключил введение единой валюты в ЕАЭС // Ведомости. – 2015. – 22 апреля. – URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2015/04/22/kazakhstan-isklyuchil-vvedenie-edinoi-valyuti-v-eaes> (дата обращения: 18.12.2020).
4. *Паньков В. С.* 2020 год – глобализация или деглобализация? // Международная жизнь. – 2010. – № 5. – С. 163–176. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/248> (дата обращения: 20.12.2020).
5. Проблемы ЕАЭС и «зеленые» перспективы Кыргызстана. – URL: <https://eabr.org/press/news/problemy-eaes-i-zelyenye-perspektivy-kyrgyzstana/> (дата обращения: 12.01.2021).

6. Североамериканская зона свободной торговли в новых реалиях // Евразийские стратегии. – 2020. – 10 июля. – URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/severoamerikanskaja-zona-svobodnoj-torgovli-v-novyh-realijah/> (дата обращения: 02.11.2020).
7. *Фалыхов Р.* В Евросоюзе рассматривают стратегию развития до 2024 года. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/11/12409141.shtml> (дата обращения: 15.11.2020).
8. *Хейфец Б. А.* Метаморфоза экономической глобализации. – М. : Институт экономики РАН, 2018.
9. *Arnold M., Hall C.* Big Banks Losing Interest in Global Ambitions // Financial Times. – 2014. – October 20. – URL: <https://www.ft.com/content/95bed102-5641-11e4-bbd6-00144feab7de> (дата обращения: 01.12.2020).
10. *Auzan A. A.* The Economy under the Pandemic and Afterwards // Population and Economics. – 2020. – Vol. 4. – P. 4-12.
11. *Bello W.* Deglobalization – Ideas for a New World Economy (Global Issues). – London : Zed Books, 2004.
12. Closer to the Citizens, Closer to the Ballot. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/en/be-heard/eurobarometer/closer-to-the-citizens-closer-to-the-ballot> (дата обращения: 01.12.2020).
13. Euroscepticism on the Rise Across Europe as Analysis Finds Increasing Opposition to the EU in France, Germany and Spain. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/euroscepticism-rise-across-europe-analysis-finds-increasing-opposition-eu-france-germany-and-spain-a7069766.html> (дата обращения: 01.12.2020).
14. *Fukuyama F.* The End of History? // The National Interest. – 1989. – N 16. – P. 3-18.
15. Global Value Chain Development Report 2019: Technological Innovation, Supply Chain Trade, and Workers in a Globalized World. – URL: <https://documents.worldbank.org/publication/documents-reports/downloadstats?docid=384161555079173489> (дата обращения: 01.12.2020).
16. Goodbye globalisation: The dangerous lure of self-sufficiency // The Economist. – 2020. – May 16. – P. 7.
17. *Ramo J. C.* Globalism Goes Backward // Fortune. – 2012. – URL: <https://fortune.com/2012/11/20/globalism-goes-backward/> (дата обращения: 20.12.2020).
18. *Rothfeder J.* The Great Unraveling of Globalization // Washington Post. – 2015. – April 24. – URL: https://www.washingtonpost.com/business/reconsidering-the-value-of-globalization/2015/04/24/7b5425c2-e82e-11e4-aae1-d642717d8afa_story.html (дата обращения: 25.12.2020).
19. *Smick D.* Could globalization crack up? // International Economy. – 2012. – Vol. 26 (4). – P. 1-18.
20. *Stuart O.* How Will the Shift from NAFTA to USMCA Affect the Auto Industry? // Industry Week. – 2018. – October 12. – URL: <https://www.industryweek.com/the-economy/article/22026500/how-will-the-shift-from-nafta-to-usmca-affect-the-auto-industry> (дата обращения: 12.01.2021).

References

1. Bneshnyaya i vzaimnaya trgovlya tovarami Tamozhennogo soyuza i Edinogo ekonomicheskogo prostranstva [Foreign and Mutual Trade in Goods of the Customs Union and the Common Economic Space]. (In Russ.). Available at: <http://www.>

eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/time_series_custom_union.aspx (accessed 13.12.2020).

2. Arkhipova V. V. Mirovaya finansovaya sistema: globalizatsiya ili deglobalizatsiya? [The World Financial System: Globalization or Deglobalization?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2016, Vol. 60, No. 5, pp. 40–49. (In Russ.).

3. Kazakhstan isklyuchil vvedenie edinoi valyuty v EAES [Kazakhstan Ruled out the Introduction of a Single Currency in the EAEU]. *Vedomosti*, 2015, April 22. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2015/04/22/kazakhstan-isklyuchil-vvedenie-edinoi-valyuti-v-eaes> (accessed 18.12.2020).

4. Pankov V. S. 2020 god – globalizatsiya ili deglobalizatsiya? [2020 – Globalization or Deglobalization?]. *Mezhdunarodnaya zhizn* [International Life], 2010, No. 5, pp. 163–176. (In Russ.). Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/248> (accessed 20.12.2020).

5. Problemy EAES i «zelenye» perspektivy Kyrgyzstana [Problems of the EAEU and the "green" prospects of Kyrgyzstan]. (In Russ.). Available at: <https://eabr.org/press/news/problems-eaes-i-zelenye-perspektivy-kyrgyzstana/> (accessed 12.01.2021).

6. Severoamerikanskaya zona svobodnoy trgovli v novykh realiyakh [North American Free Trade Area in New Realities]. *Evraziyskie strategii* [Eurasian Strategies], 2020, July 10. (In Russ.). Available at: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/severoamerikanskaya-zona-svobodnoj-torgovli-v-novykh-realijah/> (accessed 02.11.2020).

7. Falyakhov R. V. Evrosoyuze rassmatrivayut strategiyu razvitiya do 2024 goda [The European Union is Considering a Development Strategy until 2024]. (In Russ.). Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/11/12409141.shtml> (accessed 15.11.2020).

8. Kheyfets B. A. Metamorfoza ekonomicheskoy globalizatsii [Metamorphosis of Economic Globalization]. Moscow, Institut ekonomiki RAN, 2018. (In Russ.).

9. Arnold M., Hall C. Big Banks Losing Interest in Global Ambitions. *Financial Times*, 2014, October 20. Available at: <https://www.ft.com/content/95bed102-5641-11e4-bbd6-00144feab7de> (accessed 01.12.2020).

10. Auzan A. A. The Economy under the Pandemic and Afterwards. *Population and Economics*, 2020, Vol. 4, pp. 4–12.

11. Bello W. Deglobalization – Ideas for a New World Economy (Global Issues). London, Zed Books, 2004.

12. Closer to the Citizens, Closer to the Ballot. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/en/be-heard/eurobarometer/closer-to-the-citizens-closer-to-the-ballot> (accessed 01.12.2020).

13. Euroscepticism on the Rise Across Europe as Analysis Finds Increasing Opposition to the EU in France, Germany and Spain. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/euroscepticism-rise-across-europe-analysis-finds-increasing-opposition-eu-france-germany-and-spain-a7069766.html> (accessed 01.12.2020).

14. Fukuyama F. The End of History? *The National Interest*, 1989, No. 16, pp. 3–18.

15. Global Value Chain Development Report 2019: Technological Innovation, Supply Chain Trade, and Workers in a Globalized World. Available at: <https://documents.worldbank.org/publication/documents-reports/downloadstats?docid=384161555079173489> (accessed 01.12.2020).

16. Goodbye globalisation: The dangerous lure of self-sufficiency. *The Economist*, 2020, May 16, p. 7.

17. Ramo J. C. Globalism Goes Backward. *Fortune*, 2012. Available at: <https://fortune.com/2012/11/20/globalism-goes-backward/> (accessed 20.12.2020).
18. Rothfeder J. The Great Unraveling of Globalization. *Washington Post*, 2015, April 24. Available at: https://www.washingtonpost.com/business/reconsidering-the-value-of-globalization/2015/04/24/7b5425c2-e82e-11e4-aae1-d642717d8afa_story.html (accessed 25.12.2020).
19. Smick D. Could globalization crack up? *International Economy*, 2012, Vol. 26 (4), pp. 1–18.
20. Stuart O. How Will the Shift from NAFTA to USMCA Affect the Auto Industry? *Industry Week*, 2018, October 12. Available at: <https://www.industryweek.com/the-economy/article/22026500/how-will-the-shift-from-nafta-to-usmca-affect-the-auto-industry> (accessed 12.01.2021).

Сведения об авторе

Олег Олегович Комолов

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ИЭ РАН.
Адрес: Институт экономики Российской
академии наук, 117218, Москва,
Нахимовский проспект, д. 32.
E-mail: oleg_komolov@mail.ru

Information about the author

Oleg O. Komolov

PhD, Senior Researcher at IE RAS.
Address: Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences,
32 Nakhimovsky Avenue, Moscow,
117218, Russian Federation.
E-mail: oleg_komolov@mail.ru